

Политика

Корейский полуостров: у опасной черты

© 2011

А. Жебин

Анализируя развитие ситуации на Корейском полуострове в 2010 г. автор статьи, излагающий свою версию событий, приходит к выводу, что резкий рост напряженности в этом районе вызван, главным образом, курсом Республики Корея и поддерживающих ее США на решение ядерного и других аспектов корейской проблемы путем ликвидации КНДР как суверенного государства. По его мнению, причины обострения противостояния в Корее также невозможно понять вне контекста состояния и перспектив развития весьма противоречивых отношений КНР и США — главных спонсоров и союзников двух корейских государств, соперничество между которыми пока явно преобладает над попытками установления партнерства.

Ключевые слова: Корейский полуостров, геополитика, безопасность, ядерная проблема, конфликт, смена режима

В 2010 г. произошло очередное резкое обострение обстановки на Корейском полуострове. Самой тревожной особенностью развернувшихся там событий на этот раз стало заметное усиление в политике вовлеченных в конфликт государств, прежде всего КНДР и Республики Корея, фактора «жесткой силы» (hard power). А модные теории о возрастании в современном мире роли т.н. «мягкой силы» (soft power), предложенные американским истеблишментом в качестве руководства к действию членам международного сообщества, были без колебаний проигнорированы самими их авторами.

Основная интрига развернулась вокруг двух событий, разделенных почти восьмью месяцами напряженной дипломатической борьбы и открытых силовых угроз, вплоть до готовности начать полномасштабные боевые действия. 26 марта 2010 г. в акватории Желтого моря, являющейся спорной между КНДР и РК, во время патрулирования затонул южнокорейский корвет «Чхонан». Из находившихся на его борту 104 матросов и офицеров 58 морякам удалось спастись, а остальные 46 погибли. 23 ноября 2010 г. в ходе артиллерийской дуэли между береговой артиллерией КНДР и артиллерией морской пехоты Южной Кореи, размещенной в том же спорном районе на острове Енпхендо погибли два и были ранены полтора десятка морских пехотинцев РК. Были убиты также двое

строительных рабочих, разрушен ряд гражданских построек. Северокорейцы о своих потерях ничего не сообщили.

История межкорейских отношений, увы, знает немало кровавых стычек. Однако в обоих инцидентах 2010 г. эскалация военного противостояния была налицо. В первом случае вооруженные силы РК понесли самые крупные разовые потери со времен Корейской войны, а во втором — мишенями артиллерийских ударов стали не корабли или водные пространства, как это случалось прежде, а территории Севера и Юга.

Опубликованные 24 мая 2010 г. выводы «международной комиссии» в составе представителей США, Великобритании, Австралии, Швеции и Республики Кореи, созданной южнокорейцами для расследования первого из инцидентов, оказались столь же предсказуемыми, сколько и малоубедительными: в уничтожении «Чхонана» виновна КНДР. Однако у многих экспертов и значительной части общественности, в том числе в самой Южной Корее, сложилось впечатление, что на самом деле этот вывод был сделан официальным Сеулом сразу же после гибели корабля, как говорится — «по умолчанию»: — вот уже более 60 лет Север и Юг Кореи, как правило, ищут причины своих бед и неудач по другую сторону разделяющей их военно-демаркационной линии. Тем кругам, которым не терпится еще больше демонизировать и изолировать режим в Пхеньяне, оставалось лишь придать этому заключению, что называется, «товарный вид», чтобы попытаться «продать» его мировому сообществу.

В этой связи обратило на себя внимание то обстоятельство, что еще задолго до публикации результатов работы комиссии ряд американских аналитиков и даже политиков начали публично делиться предлагаемыми ими сценариями «наказания» КНДР, вплоть до запрета на выход в море ее военных кораблей и подводок и бомбардировки этих кораблей и даже военно-морских баз КНДР, откуда они выходят в море, в случае неповиновения последней.¹

Среди наиболее часто упоминавшихся в СМИ сомнений по поводу выводов комиссии можно назвать следующие. Во-первых, в момент гибели корвета в пределах видимости не было зафиксировано ни одного северокорейского военного корабля, а подводные лодки на мелководье у берегов Желтого моря обнаруживаются легко. Об отсутствии поблизости северокорейцев сразу же после инцидента заявляли и сами южнокорейские военные власти. Их американские союзники, на которых в основном полагаются южнокорейцы в области разведки и информации о Северной Корее, на этот раз почему-то хранили молчание.

Во-вторых, все западные и южнокорейские военные аналитики уже на протяжении многих лет утверждают, что северокорейская армия вооружена «антикварной» боевой техникой. Действительно, у северокорейцев есть проблемы со средствами связи и интегрированного управления боевыми действиями. Поэтому возникает вопрос: как такая «антикварная» подводка смогла незаметно пробраться в указанный район, с первого залпа поразить цель, а после этого уйти незамеченной? И это удалось ей в условиях, когда вся северная часть Корейского полуострова и особенно районы, примыкающие к военно-демаркационной линии между Севером и Югом, постоянно просматриваются американскими разведывательными спутниками, которые отслеживают не только движение военных и торговых судов, но даже автомобильных кортежей Ким Чен Ира.

В-третьих, на тех глубинах, где затонул «Чхонан» — 24 метра — подводным лодкам действовать сложновато. В американских интернет-блогах появились мнения отставников-подводников, которые высказали сильные сомнения в том, что капитан любой подводной лодки рискнул бы долго находиться в указанной зоне: можно легко оказаться обнаруженным или попасть под винт надводного корабля.

Более того, как выяснилось, в то время в районе гибели «Чхонана», помимо кораблей РК, находились несколько военных кораблей США, оснащенных новейшими системами обнаружения и слежения. Они участвовали в проходивших там военно-морские

учениях. И некоторые из южнокорейских кораблей, по собственному признанию южнокорейской стороны, «открывали огонь, ошибочно приняв стаю птиц за северокорейский корабль». В этих обстоятельствах нельзя исключить возможность случайного залпа ракеты или торпеды, которые могли предположительно потопить «Чхонан». Корабль мог также напороться на одну из оставшихся в этом районе мин, которые сами южнокорейцы размещали там и убрали лишь в 2008–2009 гг.

Если бы комиссия рассматривала все версии и пришла к такого рода заключению, тем более накануне предстоявших 2 июня 2010 г. выборов в местные органы власти, это было бы чревато для администрации Ли Мен Бака политической катастрофой. Исход голосования был очень важен для обеспечения победы правящей партии на следующих парламентских выборах. Очередное обострение межкорейских отношений давало возможность сплотить избирателей перед лицом внешней угрозы. Многие оппозиционные политики в Южной Корее, далекие от симпатий к Северу, прямо обвинили администрацию Ли Мен Бака в том, что она попыталась использовать этот инцидент для победы на выборах. Несмотря на развернутую антисеверокорейскую истерию, достичь ее так и не удалось, но провал оказался не столь оглушительным, как этого можно было ожидать, судя по результатам предвыборных опросов общественного мнения.

Но особенно бурный поток скептических комментариев обозревателей вызвал вид выставленных «комиссией» обломков северокорейской торпеды, а главное — надпись на ней — «№ 1», которая и стала фигурировать как едва ли ни главное доказательство в пользу «северокорейского следа». По меньшей мере, удивление вызвало то, что взрыв, который сумел переломить пополам довольно большой военный корабль, практически не повредил хвостовую часть торпеды. А номер на торпедке, явно нанесенный на металл ее корпуса фломастером, а не промышленным способом, стал предметом открытых насмешек.

Что же касается взрывчатки, следы которой якобы были обнаружены на обломках «Чхонана», то она, как оказалось, по признанию «Нью-Йорк Таймс», которую никак не заподозришь в симпатиях к северокорейскому режиму, используется не только в «социалистических» странах, а повсюду в мире, в том числе, в самих США.

На эти и ряд других сомнений ответов у комиссии не нашлось. Любые другие версии произошедшего ее, похоже, не интересовали. Впрочем, это не удивительно, если посмотреть на состав этого так называемого «международного» органа. Южной Кореей в комиссию были приглашены представители государств, являющихся военно-политическими союзниками США и РК и воевавшими против КНДР в Корейской войне 1950–1953 гг.

Сомнения возросли еще больше, когда наблюдатели обратили внимание на то, что сообщение комиссии фактически состоит из двух документов, составленных представителями двух разных групп стран, входивших в ее состав. Причем во второй из них, составившей документ с выводом о причастности КНДР к гибели «Чхонана», представители Швеции не значились. Оказалось, что вывод о «виновности КНДР» был сделан даже не комиссией, а неким вспомогательным органом, названным «многосторонней объединенной группой разведки» (Multinational Combined Intelligence Task Force), в состав которой вместо Швеции пригласили Канаду. Не осталось незамеченным и то, что о создании и составе такой группы при образовании самой комиссии ничего не говорилось.

Если же согласиться с версией о причастности Северной Кореи к гибели южнокорейского корвета, то этот печальный эпизод можно рассматривать как отголосок Корейской войны. Нужно вспомнить историю инцидентов между Севером и Югом. В этом районе в 1999, 2002, 2009 гг. уже происходили ожесточенные столкновения, в результате которых пускались ко дну военные корабли и гибли моряки с обеих сторон.

Вызвано это, прежде всего, спором между КНДР и РК по поводу линии разграничения в этой акватории Желтого моря. По идее эта линия должна была стать продолжением на море сухопутной военно-демаркационной линии, согласованной сторонами и зафиксированной на карте, упомянутой в пункте 2 статьи 1 Соглашения о военном перемирии в Корее от 27 июля 1953 г. Или, по крайней мере, совпадать с провинциальной пограничной линией между провинциями Хванхэ, доставшейся КНДР, и Кенги, оставшейся за РК. Во всяком случае, именно эта линия прямо упоминается в Соглашении о перемирии как основа для определения принадлежности островов, расположенных в этом районе: все, что лежало к югу от нее — оставалось под военным контролем командования ООН, а все острова к западу и северу от этой провинциальной границы передавались северокорейско-китайской стороне. Причем каждая из сторон должна была вывести свои войска с островов, отходившей другой стороне².

Исключение было сделано лишь для групп островов Пэкрен, Тэчхон, Сочхон, Енпхен и острова У, находившихся значительно севернее этой линии и образующавших своего рода пояс вдоль побережья КНДР. Они остались под контролем командования ООН³.

Существуют разные версии того, почему это случилось. Возможно, северокорейцы не просчитали все последствия этого шага и недооценили стратегическую важность островов. Кроме того, из-за подавляющего превосходства США и их союзников в воздухе и на море высадить там десант и, тем более, удержать эти острова представлялось для КНДР даже в конце войны совершенно невозможным.

Это исключение и сыграло роковую роль во всех последующих событиях. 30 августа 1953 г. командование ООН в Корее, которое возглавлял американский генерал М. Кларк, провело так называемую северную разделительную линию (Northern Limitation Line — NLL). Она как бы соединила эти острова, но прошла еще севернее них, на равном расстоянии между ними и северокорейской береговой линией. Вокруг островов была установлена трехмильная зона территориальных вод. Пхеньян настаивал на 12-мильной зоне своих территориальных вод (введена 1 марта 1953 г. и подтверждена в 1958 г.), но в то время общепринятой считалась трехмильная, и США согласились признать право КНДР только на такую ширину⁴.

В момент своего установления NLL предназначалась для предотвращения столкновений между сторонами на море и не рассматривалась как граница. Таковой де-факто ее сделала РК, а вот де-юре ее положение чрезвычайно шаткое. Даже на Западе и в РК не решаются отрицать, что проведена она была в одностороннем порядке. Принятие в 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву, узаконившей 12-мильную ширину территориальных вод и предложившей придерживаться принципа равноудаленности линии разграничения на море от материкового побережья соседних государств, сделало претензии КНДР по поводу ее прохождения еще более обоснованными.

Более того, Соглашение о перемирии прямо предусматривает (пункт 5 статьи 1) открытие устья реки Ханган для гражданского судоходства обеих сторон и «беспрепятственный доступ» гражданских судов каждой стороны к суше, находящейся под военным контролем данной стороны⁵. Удивительно, что в Вашингтоне и Сеуле, где так любят напоминать Пхеньяну о необходимости соблюдать данный документ, об этих его разделах, равно как о незаконности проведения NLL предпочитают помалкивать.

После неоднократных отказов южнокорейцев обсуждать этот вопрос и кровопролитного столкновения в июне 1999 г. северокорейская сторона объявила об установлении и координатах предложенной ею морской демаркационной линии (МДЛ) в Желтом море (в КНДР и РК предпочитают именовать его Западным морем, а Японское — Восточным (в пике Японии) морем — это один из немногих вопросов, по которым Север и Юг сохраняют полное единство).

В заявлении Генштаба КНА от 2 сентября 1999 г., сообщавшего об этой мере, предложенная КНДР линия была охарактеризована как самая «рациональная, реалистичная и беспристрастная», а также «полностью соответствующая как духу Соглашения о перемирии, так и международному праву»⁶. Таким образом, упомянутые выше пять групп островов оказались в спорном водном пространстве между NLL и проведенной заметно южнее ее северокорейцами МДЛ.

При этом северокорейцы не претендовали на возврат под их контроль пяти упомянутых выше островов, оказывавшихся к северу от предложенной ими МДЛ. Не дождавшись ответа США и РК на свое предложение обсудить вопросы, связанные с МДЛ, северокорейская сторона в поисках компромисса 23 марта 2000 г. опубликовала заявление Командования ВМС КНА «О порядке курсирования на пять островов». В документе сообщались координаты предлагаемых Пхеньяном трех коридоров для прохода к островам как американских военных кораблей, так и гражданских судов и предлагался порядок такого прохода⁷. Но и это предложение было проигнорировано.

Наверное, можно бесконечно спорить о том, был ли это «перст судьбы» или чистая случайность, но погибший 26 марта 2010 г. корвет «Чхонан» принимал самое непосредственное участие в сражении 1999 г.

Так что, если когда-либо выяснится, что «Чхонан» действительно был потоплен северокорейцами, то это значит, что они сумели взять реванш за прошлые поражения.

Что касается непосредственно инцидента с корветом «Чхонан», то видимо, осознавая недостаточность убедительных для мирового сообщества доказательств причастности к нему КНДР, а тем более для принятия Советом Безопасности ООН нужного Южной Корее решения, руководство этой страны попросило Россию направить для расследования группу своих специалистов. Замысел, похоже, заключался в том, что несколько, пусть даже высококвалифицированных специалистов, будут не в состоянии, с учетом фактора времени, технических средств и других ограничивающих обстоятельств, провести полноценное самостоятельное расследование и удовлетворятся материалами, предоставленными им упомянутой «международной комиссией».

Согласие российской стороны направить своих специалистов поставило Москву в очень деликатное положение. Если наша группа специалистов обнаружила бы, что «Чхонан» потоплен не северокорейской торпедой или даже северокорейской, но определенно не той, обломки которой были обнаружены (некоторые эксперты утверждают, что коррозия на них свидетельствует, что они пролежали на дне не два месяца, а по крайней мере, полгода), то это поставило бы в крайне неловкое положение руководителей ряда ведущих стран мира, которые уже выступили со своими оценками инцидента.

С другой стороны, если бы Москва озвучила версию, в основном совпадающую с южнокорейской, Северная Корея, наверняка, продолжала бы все отрицать, поскольку подлодка не была поймана. В этом случае Россия окончательно испортила бы отношения с КНДР. И, что еще хуже, Москва рисковала бы серьезно подпортить отношения с Пекином, который заинтересован в том, чтобы кризис был урегулирован без нового витка международного осуждения и санкций в отношении КНДР. Не участвовать в них Китаю, оставшемуся в одиночестве, если бы Россия поддержала западную версию инцидента, было бы крайне затруднительно и в то же время, по геополитическим соображениям, присоединение к ним представлялось совершенно неприемлемым. Для китайцев ситуация выглядела бы так, будто Россия встала на сторону Запада в конфликте, в котором затрагиваются жизненно важные интересы национальной безопасности Китая. Дело в том, что КНР все еще рассматривает КНДР как буфер перед американскими силами передового базирования в Азии, не дающий им выйти на почти 1400-километровую сухопутную границу, которую Северная Корея имеет с Китаем.

В интервью американской “Wall Street Journal” президент РФ Д.А. Медведев отметил, что «несмотря на то, что распространение получила только одна версия, мы не

должны сразу же все на веру принимать». «Нужно провести максимально тщательное расследование», — добавил российский лидер⁸.

Что касается выводов сделанных российским экспертами, то они официально нигде не публиковались, поскольку, как заявил Д.А.Медведев, предназначались для нашего внутреннего анализа для принятия решения по инциденту с «Чхонаном» в СБ ООН⁹.

Такое решение было принято 9 июля 2010 г. в форме заявления председателя Совета Безопасности ООН. В документе осуждалось нападение на «Чхонан» как «инцидент, создающий угрозу миру и безопасности в регионе и за ее пределами», выражались соболезнования пострадавшим и их семьям, говорилось о выводах комиссии, возложившей вину за инцидент на КНДР, и вместе с тем принималась к сведению позиция Пхеньяна, который утверждает, что не имеет к этому инциденту никакого отношения¹⁰.

Российский МИД выразил удовлетворение плодами своих усилий, отметив, что в итоге был принят «сбалансированный консенсусный» документ, в котором, благодаря российской позиции, «нашли отражение позиции всех заинтересованных сторон»¹¹. После принятия заявления Москва вместе с Пекином твердо взяла курс на «закрытие» дела «Чхонана»¹².

В Сеуле не скрывали разочарования позицией России, фактически отказавшейся поддержать южнокорейскую версию инцидента. Немало критики было адресовано и Китаю. Те круги в Вашингтоне и Сеуле, которые возлагали большие надежды на то, что инцидент с «Чхонаном» удастся использовать для дальнейшей демонизации и изоляции КНДР, решили перейти к тактике неприкрытого силового давления на неугодный режим и провоцирования его на ответные меры, которые помогли бы достичь тех целей, которых не удалось добиться за счет беззастенчивой эксплуатации трагедии с «Чхонаном».

Однако северокорейцы, которые прекрасно понимали, что не достигнув хотя бы минимального компромисса с США, им не удастся обеспечить достаточную безопасность и, тем более, получить доступ к иностранным инвестициям, без которых модернизация экономики КНДР была бы крайне затруднительной задачей, стали еще активнее искать подходы к возобновлению диалога с Америкой.

В Пхеньяне стали намекать на возможность возврата в шестисторонний переговорный процесс, правда на определенных условиях, главным из которых называлась отмена санкций, наложенных на КНДР после ядерного испытания СБ ООН в июне 2009 г.

Но, как оказалось, к переговорам не готовы ни сами американцы, ни их союзники — Южная Корея и Япония. Они настаивают, чтобы северокорейцы конкретными делами продемонстрировали искренность своих обещаний отказаться от ядерных программ. Иными словами — также требуют односторонних предварительных уступок и явно не спешат вернуться к обсуждению проблемы, утверждая, что «переговоры ради переговоров» им не нужны.

К осени 2010 г. Пхеньяну изрядно поднадоела линия «стратегического терпения», а на самом деле — пренебрежительного невнимания к вопросам нормализации отношений с КНДР и урегулирования ядерной проблемы, которую фактически с момента прихода к власти избрала администрация Б. Обамы. Ее «стратегическое терпение» представляло собой по сути ничто иное как ряд шагов, призванных подтолкнуть северокорейский режим к долгожданному, но пока не свершившемуся краху. Они были нацелены на то, что, во-первых, ухудшение состояния здоровья северокорейского лидера на рубеже 2008–2009 гг. и его возможный уход с политической сцены вызовут борьбу за власть и даже раскол в руководстве КНДР, что приведет к дестабилизации политической ситуации в стране. С другой стороны, расширительно толкуемые Западом санкции ООН в сочетании с дополнительными ограничениями, введенными США и их союзниками в одностороннем порядке, должны были максимально затруднить даже легальную внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность этой страны, осложнить ее экономическое

положение. Все это, в конечном счете, должно было вызвать недовольство партийно-хозяйственной номенклатуры и широких слоев населения. Фактически речь шла о попытке создать в КНДР классическую революционную ситуацию, при которой верхи не смогут, а низы не захотят жить по-старому.

Однако события минувшего года показали, что приверженцы «стратегического терпения» вновь приняли желаемое за действительное. Пхеньяну удалось стабилизировать ситуацию в верхних эшелонах власти. Северокорейцы провели партконференцию, обновили состав центральных партийных органов, введя в них деятелей, призванных стать опорой, а не соперниками будущего руководителя страны, на роль которого, похоже, готовится Ким Чен Ын — третий сын нынешнего лидера.

О том, что политика стратегического терпения поставила США в пассивное положение и, более того, привела к росту нестабильности в регионе, что наглядно продемонстрировали события вокруг Енпхендо, заговорили даже такие столпы американского внешнеполитического истеблишмента, как посол Д. Гудби и бывший советник Обамы по азиатским делам Д. Гросс¹³.

Эти перемены довольно чутко уловили в Пхеньяне: бывшему директору ведущего американского атомного центра Лос-Аламосской лаборатории З. Хекеру был показан завод по обогащению урана. Другой новостью стало начало строительства в КНДР собственного легководного реактора, для которого этот уран должен использоваться в качестве топлива. Сигнал, поданный из Пхеньяна, вряд ли допускал много толкований: не хотите разговаривать — для вас же будет хуже.

Явно нарочитая демонстрация З. Хекеру современного предприятия по обогащению урана, технический уровень которого, по признанию американского ученого, его «поразил», подтвердила то, о чем многократно предупреждал целый ряд специалистов — санкции будут мало-или вообще неэффективными и, скорее всего, в очередной раз дадут противоположный эффект. Надежды на голодные бунты или восстания населения на фоне собираемых несколько лет кряду сравнительно неплохих урожаев и стабильной подпитки из Китая, похоже, пошатнулись даже у тех, кто истово веровал в скорый и неминуемый конец северокорейского режима.

Таким образом, экскурсия, устроенная З. Хекеру в святая святых северокорейской ядерной программы была явным приглашением США к разговору. Северокорейцы последовательно, хотя и весьма своеобразно, как показали последние месяцы 2010 г., пытались убедить Вашингтон всерьез отнестись к озабоченностям Пхеньяна и начать выполнять данные США еще в 1994 г. обещания о нормализации межгосударственных отношений между двумя странами.

Однако в Вашингтоне и Сеуле и не помышляли об ослаблении нажима на Пхеньян. С лета и до конца 2010 г. у берегов Корейского полуострова практически непрерывной чередой шли различные военные маневры, в том числе с привлечением значительных сил 7-го флота США и других американских войск. В отличие от повторявшихся годами лицемерных заявлений о якобы «оборонительном характере» таких учений, на этот раз их участники открытым текстом заявляли о желании продемонстрировать силу и откровенно искали повод для наказания суверенного государства, явно забыв, что таким правом обладает исключительно Совет Безопасности ООН.

В такой ситуации рано или поздно что-то должно было произойти. 23 ноября морская пехота РК, расквартированная на одном из пяти упомянутых выше островов, затеяла, как утверждается, плановые стрельбы, которые проходили в нескольких километрах от побережья КНДР. Снаряды, предположительно, должны были падать в водах, которые северокорейцы считали своими. Представители КНА в Пханмунджоме попросили отменить учения, но получили отказ. Сейчас трудно определить, какова была точная причина артналета КНДР на злополучный остров: упал ли какой-то южнокорейский снаряд близко к северокорейскому берегу, или кто-то из северокорейских командиров, измо-

танных почти полугодовым ожиданием нападения и получивших на высшем уровне указание быть готовым дать отпор врагу (накануне местных артиллеристов, как утверждали южнокорейские СМИ, посетили Ким Чен Ир с наследником в сопровождении высшего генералитета) поспешил выполнить высочайший приказ, а может быть приказ в этом и заключался?

Как бы то ни было, результаты первой после окончания Корейской войны артиллерийской дуэли Севера и Юга хорошо известны всему миру, а ее последствия вынудили Россию после консультаций с Китаем потребовать 18 декабря экстренного созыва Совета Безопасности ООН.

Накануне, 17 декабря в российский МИД были приглашены аккредитованные в Москве послы США и РК, которым была выражена крайняя обеспокоенность планами РК в присутствии американских военных провести в акватории Желтого моря вблизи острова Енпхендо новые артиллерийские стрельбы с использованием боевых снарядов. Россия призвала США и РК воздержаться от этого шага с тем, чтобы не допустить дальнейшей эскалации напряженности на полуострове¹⁴.

В свою очередь, к северокорейской стороне был обращен призыв проявлять максимальную сдержанность, не предпринимать действий, способных спровоцировать дальнейшее обострение ситуации, повторение инцидента, произошедшего в этом районе 23 ноября. Особо было подчеркнуто, что все спорные вопросы между двумя корейскими государствами должны решаться путем возобновления диалога и исключительно политико-дипломатическими средствами¹⁵.

Хотя предложенное Россией заявление СБ ООН по этому вопросу не было принято из-за позиции США и ряда других членов Совета, требовавших включить в него осуждение обстрела Северной Кореей острова Енпхендо, главная цель, которую ставила перед собой Москва, была достигнута: непосредственным участникам конфликта был послан достаточно энергичный сигнал о необходимости проявлять максимальную сдержанность. Пойти на новую серьезную провокацию в обстановке повышенного внимания международного сообщества никто не решился.

Вместе с тем, и в Москве, и в Пекине вряд ли осталось без внимания то обстоятельство, что Сеул, который последние пару лет так настойчиво набивается им обоим в «стратегические партнеры», в очередной раз проигнорировал призывы России и Китая к сдержанности и провел намеченные стрельбы, хотя несколько сместил их вектор еще дальше на юг от северокорейского побережья.

О том, что кое-кто в Сеуле начинает утрачивать чувство реальности, свидетельствуют озвучиваемые на самом высоком уровне заявления, суть которых можно свести к печально знаменитому выражению о том, что «есть вещи поважнее, чем мир»¹⁶.

Северокорейцы же вновь проявили гибкость и прагматизм, которые уже не раз помогали им выпутываться из самых сложных ситуаций, и о которых не без восхищения пишут многие западные наблюдатели. Пообещав накануне ответить на стрельбы «непредсказуемым вторым и третьим ударом», КНДР в день их проведения объявила их «детской игрой», не заслуживающей внимания, и заодно предложила международной общественности вновь убедиться в том, кто в Корее выступает в роли поджигателя войны, а кто является поборником мира¹⁷.

Практически сразу после этого Пхеньян возобновил мирное наступление, начатое приглашением З. Хекера и визитом губернатора американского штата Нью-Мехико Б. Ричардсона, который совпал с самым острым периодом кризиса вокруг новых стрельб на Енпхендо. Последний привез из Пхеньяна согласие КНДР вновь пустить в страну инспекторов МАГАТЭ и продать отработанные стержни со своего реактора Южной Кореи¹⁸.

В первые дни 2011 г. КНДР продолжила забрасывать противника все новыми инициативами: было озвучено предложение о возобновлении без всяких предваритель-

ных условий переговоров с властями РК, которых еще накануне Нового года называли не иначе как «военными маньяками», «предателями» и «марионетками». Как говорится, мяч вновь оказался на американо-южнокорейской стороне.

Представляется, что позицию России в отношении того, что происходило в Корее в 2010 г., определяли два главных фактора. Во-первых, в Москве были категорически против развязывания еще одного вооруженного конфликта на наших дальневосточных рубежах. У нас достаточно зон нестабильности по периметру собственных границ, чтобы позволить появиться там «еще одному Ираку или Афганистану».

Во-вторых, при таком развороте событий серьезно пострадали бы наши экономические интересы в регионе. Не случайно об этом было сказано в телефонном разговоре президента РФ Д.А. Медведева с президентом РК Ли Мен Баком, состоявшемся сразу после обнародования в Сеуле результатов работы «международной комиссии». Было прямо отмечено, что межкорейские экономические проекты с участием России не были реализованы, а общая ситуация на полуострове «деградировала до уровня конфронтации».¹⁹

Речь идет о проектах, с которыми мы связываем и социально-экономическое развитие нашего Дальнего Востока, и интеграцию нашей экономики в мирохозяйственные связи в АТР. Все они оказались подвешенными или отброшенными назад из-за ухудшения межкорейских отношений. Буксует проект соединения Транссиба с Транско-рейскими железными дорогами, неоднократно переносился вопрос о выборе маршрута для прокладки газопровода из России на Юг полуострова, завис проект строительства ЛЭП через территорию КНДР в РК. Таким образом, как по соображениям национальной безопасности, так и исходя из экономических интересов, России выгодно мирное сосуществование и широкое экономическое сотрудничество между Севером и Югом Кореи.

Случай с «Чхонаном», как и гибель морских пехотинцев и гражданских лиц на Енпхендо, безусловно, трагедия. И можно лишь глубоко сочувствовать горю семей погибших. Однако главный урок этой трагедии, независимо от ее причин, заключается в том, к чему уже многие годы призывает Россия — необходимо сделать процесс примирения и сотрудничества между Севером и Югом Кореи устойчивым и необратимым.

Во многом этому мешает упорно навязываемый миру миф о якобы имманентной агрессивности КНДР и ее готовности в любой момент напасть на своего южного соседа. Между тем, серьезные специалисты, знающие истинное соотношение сил на полуострове и вокруг него, сходятся во мнении, что КНДР вряд ли решится на крупномасштабные наступательные действия.

Во-первых, в отличие от Корейской войны, в настоящее время нет крупных держав, которые поддержали бы такую акцию. Россия и Китай однозначно выступают за то, чтобы все проблемы на полуострове решались мирным дипломатическим путем. В то же время США официально заявляют, что в случае агрессии придут на помощь своему союзнику. Международное положение КНДР осложнено наложенными на нее санкциями СБ ООН. Их расширительное толкование США и их союзниками и введение ими дополнительных односторонних санкций привели к тому, что даже легальная внешнеторговая и внешнеэкономическая деятельность Северной Кореи сталкивается с серьезными затруднениями.

Во-вторых, западные эксперты, да и сами южнокорейские военные знают, что РК превосходит КНДР в обычных вооружениях и вооруженных силах. Надо также учитывать, что у Северной Кореи нет достаточных запасов топлива, запчастей, других стратегических резервов, которые необходимы для широкомасштабных наступательных операций.

Последнее, но немаловажное обстоятельство: в стране на протяжении последних 15 лет сохраняется сложная социально-экономическая ситуация, продолжает оставаться

острой продовольственной проблемой. Думается, что северокорейское руководство все перечисленные факторы учитывает и первым на такую акцию никогда не пойдет.

Что касается Южной Кореи, она также вряд ли рискнет начать полномасштабную войну, но совсем по другим причинам. Во-первых, большинство южнокорейцев не хотят поставить под угрозу свои, достигнутые немалой ценой, экономические достижения и один из самых высоких в Азии уровней жизни. Во-вторых, южнокорейцы не могут начать какой-либо крупный конфликт, а тем более, вторжение на Север без ведома Вашингтона. Еще со времен Корейской войны между США и РК существует соглашение, согласно которому вооруженные силы Южной Кореи в случае крупномасштабного конфликта на полуострове переходят в подчинение американскому генералу — командующему воинским контингентом США, расквартированным в РК. Более того, он автоматически получает это право уже при объявлении третьей степени боеготовности.

Кстати, одновременно тот же американский военачальник является командующим войсками ООН в Корее. Это еще один анахронизм времен «холодной войны». Оба корейских государства уже почти 60 лет являются членами этой международной организации, а получается, что она находится всего лишь в состоянии военного перемирия с одним из них. Разумеется, ни Военно-штабному комитету ООН, ни какому-либо другому ее органу эти войска не подконтрольны и не подотчетны. Командование ООН в Корее было создано на основе резолюций СБ ООН, о легитимности которых существуют различные мнения. Дело в том, что принятие таких резолюций требовало единогласия постоянных членов Совета Безопасности. Но в тот период место в нем только что образованной КНР было узурпировано Тайванем, а Москва в знак солидарности с Пекином бойкотировала заседания СБ, когда там председательствовал тайванец. Случилось это как раз в дни начала корейской войны. В результате этой «принципиальной линии» сталинской дипломатии СБ ООН успел напирать резолюций, о содержании которых в Москве и Пекине предпочитают не вспоминать, а последствия до сих пор дают о себе знать.

Если вспомнить римское правило — «ищи того, кому это выгодно», то факты говорят, что больше всего от трагедии с «Чхонаном» и событий на Енпхендо выиграли США. В последние годы линия на сохранение американского военного присутствия в Северо-восточной Азии воспринималась в этом регионе по большей части весьма негативно. Достаточно вспомнить, что происходило в 2009–2010 гг. на Окинаве, где тысячи людей выстраивались в живую цепь вокруг американских баз, протестуя против их дальнейшего пребывания на острове.

Поэтому США оказалось выгодно очередное обострение напряженности в регионе. Пентагон тут же объявил о планах усиления своего военного присутствия в СВА, переброске новейших истребителей «Раптор-22» на остров Гуам и на Окинаву. На очереди — новые крупные заказы для американского военно-промышленного комплекса, для вооруженных сил Южной Кореи и Японии. Восстановлен заметно ослабленный в годы правления в Сеуле администраций Ким Дэ Чжуна и Но Му Хена контроль США над внешней политикой Республики Корея.

Последние инциденты на Корейском полуострове оказались как нельзя более кстати для тех кругов в Вашингтоне и Сеуле, кто не желает примирения между Северной и Южной Кореей, кто надеется воспользоваться сложным экономическим положением КНДР, пошатнувшимся здоровьем ее лидера, ускорить крах северокорейского режима и установить контроль над всем Корейским полуостровом с тем, чтобы выйти со своей военной машиной прямо на сухопутные границы России и Китая. Во всяком случае, американские авианосцы уже появились и в Желтом море.

Для сохранения своих баз в Японии американцы фактически вынудили уйти в отставку правительство Хатоямы. Японский премьер, который в ходе избирательной кампании обещал закрыть одну из военных баз США на Окинаве, в обстановке развя-

занной антисеверокорейской истерии был вынужден согласиться на ее сохранение в результате якобы «возросшей северокаорейской угрозы» и покинул свой пост.

Эта отставка показала, что для сохранения своего военно-политического господства в регионе США не остановятся ни перед чем, вплоть до смены режима даже в тех государствах, которые в Вашингтоне именуют «союзниками» и «друзьями».

Из изложенного выше напрашиваются следующие выводы.

Инцидент с «Чхонаном» и артиллерийская дуэль на Енпхендо должны стать не предлогом для очередного раунда конфронтации между Севером и Югом, а серьезным поводом для возобновления процесса примирения и сотрудничества — единственного пути к осуществлению заветного чаяния всех корейцев — воссоединению страны. Сеулу и Пхеньяну давно пора проявить больше ответственности за судьбы корейской нации. Корейцы уже накопили немалый опыт общения и солидный задел двусторонних документов, подписанных высшими руководителями, главами правительств, министрами двух стран, не говоря о соглашениях на более низком уровне. Надо, наконец, научиться соблюдать хотя бы часть из них. Речь идет, прежде всего, о целом ряде уже согласованных мер доверия, которые остаются на бумаге или применяются от случая к случаю.

Возможно, пригодился бы международный опыт решения таких проблем. Советский Союз и США заключили в свое время соглашение о предотвращении опасных инцидентов на море между военными кораблями двух стран и ряд других подобных документов.

В 2007 г. обе Кореи сумели сделать шаг к разрешению ситуации вокруг спорной линии в Желтом море. В «Декларации во имя развития межкорейских отношений, мира и процветания», принятой по итогам второго межкорейского саммита между руководителем КНДР Ким Чен Иром и тогдашним президентом РК Но Му Хеном, стороны договорились о создании «особой зоны мира и сотрудничества» в Желтом море²⁰. Предполагалось активно стремиться к превращению ее в зону мира и совместного рыболовства, образовать там особую экономическую зону, начать совместное использование контролируемого РК устья реки Ханган и северокаорейского порта Хэчжу, обеспечить прямой проход гражданских судов в Хэчжу (сейчас из-за NLL маршрут туда и обратно удлиняется почти на 100 миль)²¹. Если хотя бы часть из намеченного была реализована, трагических инцидентов 2010 г. могло и не случиться.

Пришедшая в начале 2008 г. к власти администрация Ли Мен Бака отказалась, однако, от выполнения этих договоренностей, сочтя, что они слишком выгодны Пхеньяну. По внутривполитическим соображениям она вряд ли пойдет на обсуждение этой проблемы.

Дело можно было бы поручить посредникам в лице Международного Суда или Морского трибунала, созданного в соответствии с конвенцией ООН по морскому праву. Но и тут есть препятствия: обе стороны не рассматривают существующие между ними линии разграничения как государственную границу и считают свои споры внутривполитическим делом, не требующим вмешательства других. К тому же, решение посредников почти наверняка будет не пользу Южной Кореи, ибо NLL проложена настолько дискриминационно по отношению к КНДР, что новая линия разграничения неизбежно пройдет значительно южнее. Не случайно еще в 2006 г. РК заявила об отказе принять какую-либо из трех возможных процедур, предусмотренных Конвенцией по морскому праву для урегулирования таких споров.

Но если корейцы действительно хотят жить в мире и согласии, вопрос о проведении согласованной разграничительной линии в Желтом море рано или поздно придется решать.

1. *Cossa R.A.* Cheonan Incident: Choosing An Appropriate Response // *PacNet*. 2010. № 21.

2. Text of the Korean War Armistice Agreement. July 27, 1953. — <http://news.findlaw.com>.
3. Там же.
4. North Korea: The Risks of War in the Yellow Sea // International Crisis Group. Asia Report. 2010. N 198–23. Dec. P. 2.
5. Text of the Korean War Armistice Agreement. July 27, 1953. — <http://news.findlaw.com>.
6. ЦТАК. 1999. 9 февр.
7. Серьезное информационное сообщение командования ВМС КНА // ЦТАК. 2000. 23 марта.
8. Цит. по: Интервью Дмитрия Медведева американской газете «Уолл Стрит Джорнэл» («Президент России». Москва) // Голос России. 2010. 18 июня.
9. Президент России. Официальный сайт. Интервью корейским средствам массовой информации 09.11.2010. — <http://news.kremlin.ru/transcripts/9467>.
10. Заявление Председателя Совета Безопасности. 9 июля 2010 г.
11. Комментарий официального представителя МИД России. 10 июля 2010 года. — <http://www.mid.ru>.
12. За закрытие дела о гибели корвета "Чхонан" выступает Россия // Финанс FM. 2010 14 сент.
13. *Goodby J.E., Gross D.* Strategic Patience Has become Strategic Passivity. December 22, 2010. — <http://www.nautilus.org/publications/essays/napsnet/forum/strategic-patience-has-become-strategic-passivity>.
14. Сообщение для СМИ. О беседах заместителя Министра иностранных дел России А.Н. Бородавкина с Послом США в Москве Дж.Байерли и Послом Республики Корея в Москве Ли Юн Хо. 17.10.2010. — <http://www.mid.ru>.
15. Сообщение для СМИ. О телефонном разговоре директора Первого департамента Азии МИД России И.В. Моргулова с Послом КНДР в Москве Ким Ён Джэ. 17.10.2010. — <http://www.mid.ru>.
16. О высказываниях на эту тему официальных лиц в Сеуле см: *Kim T.* Korean Peninsula at a New Juncture of War and Peace: Between Aggressive Deterrent and Escalating Risk of War. December 21, 2010. — <http://www.nautilus.org/publications/essays/napsnet/forum/korean-peninsula-at-a-new-juncture-of-war-and-peace-between-aggressive-deterrent-and-escalating-risk-of-war>.
17. KCNA. 2010. 20 дек.
18. The New York Times. 2010. 22 dec.
19. Президент России. Официальный сайт. Телефонный разговор с Президентом Республики Корея Ли Мен Баком 25 мая 2010 г. — <http://news.kremlin.ru/transcripts/7852>.
20. Декларация во имя развития межкорейских отношений, мира и процветания // Сеульский вестник. 2007. 4 окт.
21. Там же.